

Теснота. Плацкартная маета.
С верхней полки тычущая пята.
Попран мир, пропитанный духотой,
той пятой.

Мир неряшливый и невнятный, не...
Но жилой, довольный собой вполне.
За окном – черёмухи белый всплеск –
волком в лес.

Всё равно, что белый сбегает стих,
но убойный выстрел достал, настиг...
Был стишок беззубый, был никакой,
только – мой.

Ну и ладно... видимо, стих – не ах,
под прицелом критики в пух и прах,
под пятой большого поэта – хрусть! –
белый груздь...

Что грустить? Не всяк творец – молодец,
пусть чужие волки режут овец,
шерсть прядётся, вяжется...
Тётка вон – тащит сквозь вагон
в сумке клетчатой шарфики, кружева
(у самой – засалены рукава):
«Посмотрите, девушка, кардиган!»...

Я рвану стоп-кран.

* * *

Снег ещё скрывается в логу,
партизанит, ночью ждёт своих,
но в кольцо берёт зелёный вспых...
немо-гу!

Не могу я в городе весной...
Здесь, в лесу, лиловы кандыки –
говорливой почвы кадыки;
за блесной

солнечной – взлетает синева,
рыбиною древнею идёт,
и темнеет, свищущая от...
кругом голова –

от сквозных, занозных, звёздных ран...
Что за счастье – этот свист терпеть!
Что за мука – так и замереть,
становясь горою Бабырган!..

В Чемале

После высокогорья
снова горяч июль.
Ласковая Катунь. Песочек. Полуденный сон...
Детства забытый фрагмент:

...воробьяха свила на балконе гнездо.
Бабушка говорит: «Не трогайте птенчиков!»,
а мы, любопытные, в руки берём,
удивляемся, как эти желторотики
так громко пищат!
Воробьяха вокруг суетится.
Бабушка отбирает птенцов
(«Вот непослушные дети!»)
и возвращает обратно.

Солнца косые лучи
полосатят балкон,
белую герань золотят...

...Теперь там другие цветы и другие жильцы.

А бабушка...

Бабушка знает наверняка:
кто же присматривает за мной,
отбирает из цепких рук,
заботливо возвращает в гнездо,
пока я на самом деле
не научилась
летать...

* * *

Светлой памяти Александра Лейфера

Душа подобна озеру... Она,
когда спокойна, – в глубину видна,
но разглядеть причудливое дно
лишь с высоты Создателю дано.

Кто надо мною? Птица ли? Судьба?
С оттяжкой где-то харкает пальба,
спокойствие срезается грозой,
угрозою, железной стрекозой,
и ветер поднимает пыль и прах,
звериный ужас, журавлиный страх...

А озеро – оно не убежит,
лишь отражений множит витражи!
И ничего не видно в глубине.
По прихоти по чьей? По чьей вине?

Но тишина вернётся всё равно,
возьмётся Время за веретено –
за ивовый кружащийся листок, –
спрядёт кудель страстей в простой моток.
Задремлет ветер, словно сытый пёс.
Продрогнет лес от васильковых слёз...

Но перед тем, как корочкою льда
затянется озябшая вода, –
сверкнёт, надеюсь, тайна... там, на дне...
известная Создателю и мне...

